

Чан Мин не знал о договоре с машем между Шэнь Цинжанем и Сюэ Фэйфэном, но по лицу госпожи понял, что дело дрянь.

Он немедленно отдал все необходимые распоряжения: приказал обозу ускорить шаг, а сам отобрал две тысячи лучших кавалеристов, и они во весь опор помчались в Цанчжоу.

В эти две тысячи входил тот самый отряд, который Сюэ Фэйфэн оставил для охраны Шэнь Цинжана; недостающих людей добавили с виллы «Тянься». Оставшиеся две тысячи солдат и четыре тысячи лошадей сопровождали провиант.

Изначально Шэнь Цинжань планировал добираться от Миньчжоу до Цанчжоу не спеша, поправляя здоровье по дороге. Но нашествие саранчи спутало все карты: ему нужно было оказаться в Цанчжоу как можно скорее. Из-за безумной скачки Шэнь Цинжана несколько раз рвало прямо в повозке.

А теперь нужно было ехать еще быстрее.

Но Шэнь Цинжань совершенно не умел ездить верхом на большой скорости. В прошлый раз Сюэ Фэйфэн под предлогом обучения лишь целовал его до припухших губ, а вот навыкам верховой езды так и не научил.

Сюэ Фэйфэн, вот же мерзавец!

Почему он не учил его как следует?!

Глаза Шэнь Цинжана застилала пелена слез. Он потерял уголки глаз:

— Чан Мин, неси веревку!

Раз он боится упасть, пусть лучше его просто привяжут к лошади!

— Госпожа, так нельзя, генерал нам головы оторвет! — Чан Мин наотрез отказался. Человек должен управлять лошадью, а если его привязать, то всё будет наоборот. В случае непредвиденной опасности он даже спрыгнуть не успеет!

Чан Чань, не выдержав этой возни, взлетела в седло прямо перед Шэнь Цинжанем и перехватила поводья:

— Госпожа, держитесь за меня! Но!

Отряд мгновенно разделился надвое. Авангард умчался вперед, подняв облако пыли на десяток ли вокруг. Оставшиеся также ускорили шаг, рассчитывая прибыть в лагерь к закату следующего дня.

Близился час Собаки (19:00 - 21:00). Летом темнеет поздно, и лишь когда последние лучи заката угасли на горизонте, стражники зевая, принялись устанавливать баррикады перед воротами военного лагеря. Вдруг вдалеке взметнулась пыль, и послышался частый, тревожный стук копыт.

— Личная охрана генерала Сюэ, свои! — Чан Мин, доскакавший первым, высоко поднял жетон.
— Генерал в лагере?

Весть об исчезновении Сюэ Фэйфэна держали в строжайшем секрете, запретив любые разговоры, чтобы не сеять панику. Стражник, насторожившись, толкнул товарища:

— Иди доложи генералу Чжану.

У Чан Мина упало сердце. Слабая надежда на то, что госпожа зря паникует, и с генералом всё в порядке, растаяла как дым.

— А где Чан Бай?

— Охранник Чан... Э-э... подождите немного, — уклонился от ответа стражник.

У Чан Мина подкосились ноги: неужели и с его братом тоже...

Тем временем в шатре заместителя командующего Чжан Хуайпу.

Сюэ Лифэн, связанный по рукам и ногам, как куколка тутового шелкопряда, валялся на полу; его допрашивали.

В армии не было ни одного человека, который бы не ненавидел Сюэ Лифэна. Если бы он не сговорился с Бэйхуэем, их стотысячное войско еще в прошлом году вернулось бы с триумфом в столицу, а не оказалось в смертельной ловушке. И уж тем более им не пришлось бы нести такие чудовищные потери и растрачивать силы, лишь бы отбросить врага за границу.

С тех пор как Сюэ Лифэн пропал, солдаты, мечтавшие разорвать его на тысячу кусков, трижды в день патрулировали место его заключения. У него не было шансов сбежать из лагеря, даже превратившись в пепел.

— Признавайся! Расскажи всё о тайных маневрах и мерзких планах Бэйхуэя в этой кампании, и я, так и быть, оставлю твое тело целым. Иначе я выкину тебя солдатам, и они будут резать тебя по кусочку, пока от тебя не останется даже костей!

Чан Бай вместе с поисковым отрядом прочесывал окрестности уже два дня, но безрезультатно. Солдаты, видевшие генерала последними, сообщили, что Сюэ Фэйфэн гнал предводителя Бэйхуэя, Ши Шанью, далеко на север. Потом поднялась жуткая песчаная буря, заслонившая небо и засыпавшая глаза песком, а когда ветер утих, Сюэ Фэйфэн бесследно исчез.

Чжан Хуайпу опасался, что это могла быть ловушка врага, поэтому велел привести Сюэ Лифэна на допрос.

— А где же сам Сюэ Фэйфэн? — Сюэ Лифэн понимал, что живым ему отсюда не выбраться. Заметив, как изменились лица присутствующих, он вдруг высказал догадку: — Почему он сам не пришел допрашивать меня? Уж не сдох ли он?!

Лицо Чжан Хуайпу потемнело:

— Я бы советовал тебе подумать о своей шкуре! Будешь говорить или нет?!

Глаза Сюэ Лифэна забегали. Теперь он был почти уверен, что с Сюэ Фэйфэном что-то случилось.

— Раз так, то сейчас во всем лагере я — единственный законный господин! И вы, жалкие рабы, смеее так со мной обращаться?!

— Сюэ Фэйфэн мертв! Как вы теперь будете противостоять императорскому двору?! Кому присягнете на верность?! Подняли мятеж, а теперь надеетесь, что двор вас простит? Да все министры спят и видят, как бы вас всех уничтожить! Один указ — и все ваши сто тысяч солдат

станут бунтовщиками вне закона! Лучше выберите себе нового господина — меня! И я обещаю, что вы станете героями, возродившими Великую Ци!

Чжан Хуайпу, будучи простым воякой, чуть не задохнулся от злости, слушая этот бред. Поняв, что от него ничего не добьешься, он махнул рукой:

— Утащите его!

Сюэ Лифэн ненавидел Сюэ Фэйфэна до мозга костей и винил его во всех своих бедах. Он предполагал, что тот, скорее всего, просто попал в беду, но еще жив, поэтому не желал сдаваться и заорал во всю глотку:

— Чжан Хуайпу, трус ты этакий! Бэйхуэй повержен, императорский двор доживает последние дни! Хватит ли у тебя духу самому стать правителем, а не бегать, как преданный пес, за Сюэ Фэйфэном?! Или кость, которую он тебе бросает, слаще, чем власть?! М-м-м...

Солдаты, тащившие его, переглянулись, один из них стащил с ноги вонючий носок и заткнул Сюэ Лифэну рот. Все были просто поражены его низостью.

Продавать родину с таким усердием — это надо уметь! Да он первый такой в истории!

У генерала Чжана и генерала Сюэ была дружба, скрепленная кровью. И он думает, что пара его гнилых слов сможет посеять между ними раздор?

В шатре остались только Чжан Хуайпу и его доверенное лицо.

Линь Шунь немного помолчал, а затем внезапно произнес:

— Генерал, а ведь в его словах есть доля правды.

Без Сюэ Фэйфэна кого они могли посадить на трон? Сюэ Фэйфэн не сможет стать императором, а если выбрать кого-то другого, то с их клеймом «мятежников» их везде будут презирать и притеснять.

Рука Чжан Хуайпу, державшая карту, замерла:

— Чтобы я больше не слышал от тебя подобных речей. Если это дойдет до чужих ушей, даже я не смогу тебя защитить.

— Генерал, подумайте хорошенько!

— Если бы пять лет назад князь не заметил меня и не возвысил, я бы, наверное, до сих пор был старым, никчемным поваром в обозе. Если бы все эти годы он не вел нас в бой, мы бы не то что год назад погибли от козней Бэйхуэя — мы бы отправились к праотцам еще три года назад! — Чжан Хуайпу бросил карту на стол. — Я уступаю князю в тактике и стратегии, я уступаю ему в умении управлять государством. Человек должен знать свое место, иначе — посмотри на Сюэ Лифэна, вот тебе живой пример.

— Но что если... что если с князем... — упрямо продолжал Линь Шунь. — На мой взгляд, князь хоть и обладает выдающимся талантом, но слишком уж подвержен эмоциям. Наша армия была на Северо-Западе, а он, обзаведясь семьей на юге, в Цзяннани, потащил нас всех через тысячи ли...

Этот вопрос застрял занозой в сердце Чжан Хуайпу. Он долго спорил с Сюэ Фэйфэном, их

мнения кардинально расходились. В конце концов Сюэ Фэйфэн убедил его, и, как показало время, план с разделением сил на три фронта оказался куда эффективнее, чем просто отсиживаться в тылу Великой Ци. Если бы они остались на Северо-Западе, то с учетом характера Сюэ Лифэна, их положение было бы незавидным.

Но Сюэ Фэйфэн сам признавал, что отчасти это было сделано ради Шэнь Цинжана. Чжан Хуайпу тогда даже предложил: «Так возьми жену с собой в поход!», но Сюэ Фэйфэн наотрез отказался, а на расспросы отвечать не стал. Чжан Хуайпу сделал для себя вывод: Шэнь Цинжань привык к беззаботной жизни на юге и не вынесет тягот войны.

— Пф, если жена оказалась никчемной — пусть просто возьмет себе еще пару-тройку.

— Докладываю! Прибыл доверенный человек генерала Сюэ, Чан Мин!

— Пусть войдет.

Едва переступив порог, Чан Мин с порога спросил:

— Где князь?

Чжан Хуайпу, уже встречавшийся с ним ранее, потирая переносицу, решил не утаивать правду:

— Пропал без вести после сражения. Охранник Чан со своим отрядом ищет его уже два дня, но вестей пока нет.

Чан Мин сжал кулаки. Как он скажет об этом госпоже? Он с грохотом опустился на колени:

— Умоляю, генерал Чжан, бросьте все силы на поиски князя!

— Мог бы и не просить. Встань!

Чан Мин поднялся:

— Благодарю вас, генерал Чжан! И еще... наша госпожа, узнав о нашествии саранчи в Цанчжоу и опасаясь за провиант для армии, лично возглавил отряд с шестью тысячами боевых коней и десятью тысячами даней зерна. Авангард уже здесь, а обоз с провиантом прибудет самое позднее послезавтра.

— Это правда?!

В Цанчжоу оставалось около пятидесяти тысяч солдат. Это был важнейший стратегический пункт, и они не могли отступить, готовясь отразить возможные удары со стороны императорского двора и остатков сил Бэйхуэя. К тому же, Сюэ Фэйфэн еще не был найден. Им оставалось лишь ждать, пока подвезут продовольствие из других регионов.

И этот провиант был сейчас нужен им как воздух.

Чжан Хуайпу не мог поверить своим ушам. Только что он называл жену Сюэ Фэйфэна трусихой, и вот тебе на — такая пощечина!

Чжан Хуайпу вместе с Чан Мином вышел к воротам лагеря встречать Шэнь Цинжана. В клубах пыли впереди всех мчалась девушка с яркой, запоминающейся внешностью. Скорость была невероятной, и в мгновение ока она оказалась прямо перед ними.

Сразу было видно — с ней шутки плохи. Ничего общего с тем образом изнеженной, слабой барышни, который рисовал себе Чжан Хуайпу.

Ну, в общем-то, логично. Разве князь посмотрел бы на обычную женщину?

Чжан Хуайпу почтительно сложил руки в приветствии:

— Заместитель командующего Чжан Хуайпу приветствует княгиню.

Чан Чань отступила в сторону, открывая взгляду бледного юношу, которого, казалось, вот-вот стошнит. Нахмурившись, она спросила:

— Госпожа, вы в порядке?

Лицо Чжан Хуайпу позеленело. Он с нескрываемым изумлением уставился на Шэнь Цинжана. Мужчина?!

Шэнь Цинжань махнул рукой и, глядя на Чжан Хуайпу покрасневшими глазами, спросил:

— Где генерал?

Чжан Хуайпу, уже успевший принять Чан Чань за жену, с самого начала проникся неприязнью к этому изнеженному юнцу, который даже на лошади толком держаться не умел. С каменным лицом он повторил то же самое, что и Чан Мину.

Шэнь Цинжань в одно мгновение словно лишился всех сил, его лицо стало белым как бумага. Он отстранил руку Чан Чань:

— Где он пропал? Где было сражение? Я пойду искать его...

— Госпожа, успокойтесь! Чан Бай с людьми прочесывает местность, людей хватает. Дождитесь рассвета! — Чан Мин попытался успокоить его. Он тихонько прошептал Шэнь Цинжаню на ухо пару слов и указал направо: — Шатер генерала вон там.

Чжан Хуайпу отошел в сторону, пропуская Шэнь Цинжана, и приказал отвести две тысячи кавалеристов в палатки на левом фланге. Величественные, могучие монгольские кони один за другим проходили мимо него. Их порода уступала лишь личным боевым скакунам Сюэ Фэйфэна. Один такой конь — уже сокровище, а тут их две тысячи!

Чжан Хуайпу был знатоком и ценителем лошадей; он просто не мог оторвать взгляд от этого зрелища.

Чан Чань, проходя мимо него с легкой усмешкой, бросила:

— В целой Поднебесной только наша госпожа способна вырастить таких превосходных коней.

Чжан Хуайпу был глубоко потрясен.

— Есть люди, которые, подняв миску, едят, а отложив её, начинают проклинаят своих матерей. Наша госпожа прослышал, что у одного старика зубы никуда не годятся, и специально послал ему целую корзину сладкого картофеля. А этот кто-то, наевшись до отвала, испортил воздух на весь лагерь, да еще и человеческого языка не понимает, лает почем зря.

Чжан Хуайпу не знал, откуда взялся тот батат, но всё время помнил о нем и планировал

разузнать после войны, где бы раздобыть еще.

Так это всё вырастила жена князя?!

Чжан Хуайпу густо покраснел. Он даже забыл возмутиться тем, что Чан Чань назвала его «сыном» Шэнь Цинжана.

Язык у этой девчонки был острее бритвы. Сравнив ее с бледным и слабым Шэнь Цинжанем, Чжан Хуайпу вдруг подумал, что Госпожа не так уж и плоха.

...

Оказавшись в шатре Сюэ Фэйфэна, Шэнь Цинжань больше не мог сдерживать слезы. Казалось, здесь всё еще витал его запах; подушка, брошенная на постель, была вывернута наизнанку.

Шэнь Цинжань нащупал внутри остатки мasha — там была ровно половина.

Сюэ Фэйфэн наверняка жив, просто он взял с собой слишком мало.

Ему просто не хватило...

Точно.

Шэнь Цинжань крепко прижал подушку к груди и замер. Брат и сестры Чан молча выстроились в ряд. Единственное, что смогло удержать Шэнь Цинжана на краю пропасти и не дать ему броситься на поиски Сюэ Фэйфэна прямо в ночь, — это та самая причина, о которой шепнул ему Чан Мин: угроза бунта в армии.

Чан Мин лишь мельком прошелся по лагерю, но сразу заметил проблему, не уступающую по серьезности исчезновению Сюэ Фэйфэна. Войско лишилось лидера, в рядах царил паника. Если продовольствие, обещанное Шэнь Цинжанем, не прибудет, через пару дней начнется массовое дезертирство.

К тому же, этот Линь Шунь, что вертится возле Чжан Хуайпу, явно замышлял недоброе. Чан Мин, лишь раз встретившись с ним взглядом, всё понял.

Впрочем, это было в человеческой природе.

Армии был нужен стержень, человек, который гарантировал бы, что их жертвы не были напрасными.

Шэнь Цинжань совершенно не подходил на эту роль, но, к счастью, он привез с собой достаточно весомых аргументов.

— Вы сообщили Сюэ Цзиньфэну?

Чан Мин ответил:

— Не знаю, успел ли Чан Бай отправить гонца, но я на всякий случай пошлю еще одного.

Голос Шэнь Цинжана дрожал:

— Я не смогу просто сидеть и ждать в лагере. Завтра на рассвете соберите всё войско, мне нужно кое-что им сказать. А теперь идите, отдыхайте.

— Слушаемся.

Сюэ Фэйфэн был где-то там, между жизнью и смертью. Разве мог Шэнь Цинжань уснуть? Он высыпал бобы на кровать и, словно марионетка, механически пересчитывал их снова и снова. И чем больше он считал, тем сильнее сжималось его сердце от страха.

Система вела точный учет до каждого зернышка. Если сложить количество проросших бобов с теми, что лежали на кровати, всё равно не хватало больше десятка.

Это значило, что у Сюэ Фэйфэна еще оставались бобы, но он ими не воспользовался.

Шэнь Цинжань тихо бормотал, словно пытаясь убедить самого себя:

— Это я сбился со счета.

— Может, они выпали во время боя.

— Система тоже могла ошибиться.

— Опять я всё перепутал, — он в отчаянии рвал на себе волосы.

Он пересчитывал их снова и снова, пока не забрезжил рассвет.

...

Глядя на то, как Шэнь Цинжань за одну ночь осунулся и побледнел, даже Чжан Хуайпу почувствовал укол совести.

Сюэ Фэйфэн всегда брал на себя самые тяжелые и опасные сражения. Справиться с Сюэ Лифэном для Чжан Хуайпу было проще простого, словно взрослому поиграть с ребенком.

Шэнь Цинжань стоял на высоком помосте. Казалось, порыв ветра может сбить его с ног, но голос его звучал громко, с непреклонной уверенностью и силой, заставляющей верить каждому слову:

— Воины! Вы — герои Великой Ци, в ваших жилах течет кровь тех самых храбрецов, что когда-то вместе с императором-основателем объединили Поднебесную! Мы не уступим ни пяди родной земли! Сегодня мы вновь вышвырнули волков и леопардов за пределы нашей страны. Генерал Сюэ заранее поручил мне наградить армию от его имени, и мы ждали лишь этого дня.

— Десять лет мы делили с вами радости и горести, сражались плечом к плечу. От имени народа Великой Ци, от имени ваших жен и детей я благодарю вас, доблестные воины, и склоняю голову перед душами тех, кто отдал жизнь за родину.

Шэнь Цинжань прочистил горло:

— Я знаю, что в последние дни вы страдаете от нашествия саранчи. Но сегодня прибудет провиант! Насытившись, мы найдем в себе силы справиться и с этой напастью.

Вчера он весь день мучился от тошноты, утром ничего не ел, и теперь желудок сводило спазмами. Он прижал руку к животу, вглядываясь в лица солдат внизу — оживленные при мысли о еде, но всё еще полные затаенной тревоги.

— Я понимаю ваши страхи. Генерал Сюэ делил с вами и кров, и пищу, он безгранично предан

вам. Вы вместе прошли через бесчисленные сражения, балансируя на грани жизни и смерти, и этот раз — не исключение. Вы — его братья по оружию, и генерал всегда думает о вас в первую очередь. Он обо всем позаботился: его родной брат, князь Сюэ Цзиньфэн, уже в пути. Вам не о чем тревожиться.

Сюэ Цзиньфэн был законным претендентом на трон. Учитывая предательство бывшего наследного принца, даже если с Сюэ Фэйфэном случится непоправимое, Сюэ Цзиньфэн сможет повести их в светлое будущее.

Шэнь Цинжань заодно приукрасил образ безалаберного младшего брата, превратив его во второго Бога Войны.

Линь Шунь, правая рука Чжан Хуайпу, явно помрачнел. Он испугался, что Сюэ Фэйфэн мертв, и теперь этот Шэнь Цинжань пытается под шумок передать власть Сюэ Цзиньфэну. С какой стати какой-то праздный князек, всю жизнь просидевший в столице, должен получить всё готовеньким?

Он бросил взгляд на Чжан Хуайпу, надеясь, что тот вмешается, но генерал Чжан, не мигая, пялился на боевых коней за спиной Шэнь Цинжаня.

Такие роскошные монгольские скакуны... Говорят, в пути еще четыре тысячи!

Все смотрели на Шэнь Цинжаня, изо всех сил пытающегося казаться сильным. Изначальное презрение и недоумение — «И зачем генерал взял в жены мужика?» — сменилось прагматичным: «Кто кормит, тот и мать». Да они готовы были не то что «госпожой» его называть — хоть родным отцом! Постепенно к Шэнь Цинжаню стало просыпаться сочувствие. Разве кто-то из них страдал и тревожился так же сильно, как этот юноша на помосте?

Если уж жена генерала не теряет надежды, то чего бояться им?

— Нашествие саранчи — страшное бедствие. Но мы уничтожим ее общими усилиями! Каждый день двадцать воинов, поймавших больше всех саранчи, будут получать в награду по лану серебра!

— Саранча пожирает наш урожай? Значит, мы сожрем саранчу!

Многие верили, что саранча — это «божественное насекомое», и боялись ее есть. Шэнь Цинжань велел Чан Сую наловить целый мешок живой саранчи, прямо на глазах у всех оборвать ей крылья и бросить на раскаленную сковороду. Он заранее заготовил выращенный им перец чили и теперь щедро посыпал им жарящихся насекомых. Острый, дразнящий аромат разнесся по воздуху, и солдаты оживились.

Это можно есть!

И пахнет вкусно!

В здешних краях такого перца не знали, но среди солдат было много выходцев из Шу, которые с рождения обожали острое. Почувствовав знакомый запах, они тут же стали просить госпожу поделиться рецептом.

Энтузиазм в борьбе с саранчой взлетел до небес. Шэнь Цинжань еще раз напомнил о дисциплине и распустил строй.

Заняв солдат делом, он убил двух зайцев: избавился от саранчи и предотвратил бунт от безделья.

Он не ел ни крошки, но, подавая пример, заставил себя проглотить двух жареных насекомых. Острые, хрустящие... Он в жизни не думал, что будет есть такую гадость! Ему пришлось призвать на помощь весь свой актерский талант, чтобы сглотнуть это не поморщившись.

Не то чтобы это было невкусно, просто ему такое не по нутру.

Если бы Сюэ Фэйфэн был здесь, Шэнь Цинжань бы надул губы и жаловался ему на это весь день.

Но он не знал, где сейчас Сюэ Фэйфэн.

Желудок горел огнем. Шэнь Цинжань схватился за живот, и его тут же окружила толпа солдат.

— Госпожа, тот сладкий картофель был просто объедение! А еще будет?

— Обязательно. А еще я посадил хлопок. Этой зимой у каждого из вас будет теплая ватная куртка. А когда война закончится, заберете их домой как новогодний подарок, — щедро раздавал обещания Шэнь Цинжань. Когда эти слухи разойдутся по лагерю, желающих дезертировать точно поубавится.

— Госпожа, у вас живот болит? — кто-то заметил, что Шэнь Цинжань постоянно держится за живот.

— Всё в порядке, просто растрясло в дороге. Идите, ловите саранчу.

— Генерал обязательно вернется, не волнуйтесь, госпожа.

— Точно-точно! Генерал как-то спрашивал меня, что любят юноши вашего возраста.

Шэнь Цинжань опешил:

— И что ты ему ответил?

— Сказал, что любят вкусно поесть.

Вспомнив, как Сюэ Фэйфэн вечно относился к нему как к прорве, которую нужно только кормить, Шэнь Цинжань почувствовал ком в горле. Ему пришлось изо всех сил сдерживаться, чтобы не разрыдаться прямо на глазах у всех. Сдерживался-сдерживался, и в итоге, опершись о стену, не выдержал — его вырвало.

Шэнь Цинжань ушел, оставив за собой толпу солдат с вытянутыми шеями и обеспокоенными лицами.

— Что с госпожой?

Чан Суй, не выдержав их тревожных взглядов, решил прямо выполнить инструкцию сестры — давить на жалость:

— Тошнит, рвет... Всю дорогу так мучился.

Чан Чань ведь велела сделать так, чтобы солдаты сочувствовали госпоже и доверяли ей.

— ...А-а-а?

Группа солдат разошлась, жарко споря о том, «может ли госпожа рожать детей», оставив Чан Суя в полном недоумении. Он что-то не то сказал?

Споры не утихали даже в поле, во время ловли саранчи. А через два дня некоторые уже делали ставки (на две саранчи), кого же вынашивает госпожа — маленького генерала или юную принцессу?

Когда десяткам тысяч людей нечем заняться, сила сплетен поистине разрушительна.

В любом случае, в их глазах госпожа была всемогущей. Она могла достать что угодно. Например, в обозе, который она привезла, было полно диковинных вещей. Стоило полить поле из ведра с какой-то особой водой, как саранча даже приблизиться к этому му сорго боялась.

Уж не реинкарнация ли это самой Гуаньинь, окропляющей землю росой из своей нефритовой вазы?

— Точно она! Мне мать говорила, что Гуаньинь — мужчина!

— Госпожа — божество! Значит, и генерала обязательно найдут!

...

На поле битвы, засыпанном желтым песком, уже всё прибрали, но повсюду еще виднелись бурые пятна засохшей крови. Нужен был сильный ливень, чтобы смыть эту кровь с земли и успокоить души павших воинов.

Шэнь Цинжань искал его с красными от слез и усталости глазами.

Смеркалось. Считая сегодняшний день, бобы не прорастали уже три дня.

Разумом он понимал, что еще не вышел за пределы территории, которую уже прочесал Чан Бай. Но сердце не позволяло ему сидеть сложа руки. Стоило ему остановиться, как он тут же начинал пересчитывать эти проклятые бобы.

Если он не найдет Сюэ Фэйфэна, он просто сойдет с ума.

Ему даже снилось, что он сам превратился в духа маша — тогда бы он точно знал, куда подевались те последние зернышки.

— Если ты не вернешься, твоя жена и вправду станет оборотнем из маша! — пробормотал Шэнь Цинжань, поджав губы и оседая на кучу желтого песка.

Но посидев немного, он снова заставил себя встать.

Когда он забрался дальше всего, то наткнулся на Чан Бая, который тоже искал генерала. Увидев его, этот небритый, измученный человек тут же рухнул на колени, и глаза его покраснели:

— Простите меня. — Он не смог уберечь генерала.

— Не вини себя, ты ни при чем, — Шэнь Цинжань взглянул на небо. Черные тучи клубились, смешиваясь с песком — собиралась гроза. — Возвращайся в лагерь, отдохни.

Чан Бай не сдвинулся с места.

Шэнь Цинжаню ничего не оставалось:

— Я тоже возвращаюсь.

...

Крупные капли дождя пробивались сквозь листву и падали на отяжелевшие веки, которые невозможно было разлепить. Рука человека, насквозь пропитанного кровью, слабо шевельнулась. Медленно, почти инстинктивно, он достал из-за пазухи несколько зеленых бобов, словно выполняя величайшую миссию в своей жизни.

Они были слишком крошечными, и онемевшие пальцы с трудом могли определить их количество.

Сюэ Фэйфэн медленно сжал кулак, пытаясь почувствовать, и убедился, что достал ровно три штуки. Его рука бессильно соскользнула и с трудом высунулась из-под кроны дерева. Он разжал ладонь, позволяя каплям дождя одну за другой смачивать неприметные бобы, смешиваясь с кровью.

Если положить больше — его Жань-Жань будет волноваться.

Его жена была и глупышкой, и умницей одновременно. Если он не сможет отсчитать ровно три штуки, Шэнь Цинжань сразу всё поймет.

<http://bllate.org/book/17933/2103637>